

Тесля А.А.
к.ф.н, доц. каф. «Философии и культурологии»
Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ),
г. Хабаровск

ЦЕНЗУРНЫЙ ЗАПРЕТ «МОСКОВСКОГО СБОРНИКА»

История славянофильских изданий по сей день остается недостаточно изученной страницей в изучении данного направления отечественной философской мысли¹. Важность же изучения внешней истории славянофильских изданий несомненна, позволяя, с одной стороны, выявить некоторые в противном случае остающиеся вне поля зрения детали идейного развития направления (в этом отношении особенно любопытны славянофильские и близкие к ним периодические издания 1870-х – 1880-х годов), с другой – прояснить отношения славянофилов с правительственными кругами. Одним из узловых моментов издательской активности славянофилов является история наложения цензурного запрета 1853 г.

Славянофилы, к середине 40-х годов оформившиеся в самостоятельное течение русской философской и общественной мысли, с того же времени предпринимали попытки получить в свое распоряжение какой-либо печатный орган. Ограниченность славянофильского направления границами личных связей и знакомств, отмеченная в язвительной характеристике В.О. Ключевского², защищавшая и поддерживавшая направление в 40-е – 1-й пол. 50-х годов³, по мере развития славянофильского учения все более воспринималась как препятствие. Так, И.С. Аксаков писал родным в 1854 г.: «Мы напишем статью и читаем ее друг другу, привыкнув понимать друг друга с полуслова, прийдя только вчера на какую-нибудь мысль – мы сердимся и негодуем, что не все так делают и мыслят. Но мы не умеем говорить с ними, забываем, что они не прошли через тот процесс, который мы проходили, и от того бесплодны наши слова, бессильно обличение и мы просто непонятны. Надо начать с азбуки, с близких к действительному быту, простых, осязательных понятий, а не отвлеченных идей»⁴.

Желание активно влиять на общественное мнение встречало, однако, целый ряд препятствий. В 40-й годы трудности носили преимущественно внутренний характер – в 1845 году, с трудом уговорив принять на себя редактирование «Москвитянина», И.В. Киреевский, столкнувшись с первыми трудностями и конфликтуя с издателем, М.П. Погодиным, бросает журнал, не выпустив и трех полных номеров. Молодой Д.А. Валуев, племянник Хомякова, оказывается

¹ На данный момент опубликована только одна общая работа по данной теме: *Пирожкова, Т.Ф.* Славянофильская журналистика: [монография]. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 222 с.

² «Славянофильство – история двух-трех гостиных в Москве и двух-[трех] дел в московской полиции» [*Ключевский, В.О.* Сочинения. В 9 т. Т. IX. Материалы разных лет / Под ред. В.Л. Янина; Послесл. и коммент. Р.А. Киреевой. – М.: Мысль, 1990. С. 444].

³ *Цимбаев, Н.И.* Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 77.

⁴ Цит. по: *Цимбаев, Н.И.* Указ. соч. С. 29.

достаточно деятельным, чтобы подготовить к печати два сборника⁵, а В.А. Панов издает на свои средства два «Московских сборника», в 1846 и 1847 гг. Смерть издателя прекращает, однако, и эти издания⁶. Со смертью Валуева и Панова в славянофильском кружке не оказалось никого, кто имел бы средства и желание заняться издательской деятельностью. Ситуация изменяется в начале 50-х – к славянофильскому кружку все ближе примыкает А.И. Кошелев, друг юности И.В. Киреевского, разбогатевший на откупках и к 50-м гг. оставивший их.

А.И. Кошелев вместе с И.С. Аксаковым⁷, также недавно ставшим сближаться со славянофилами, предпринимают в 1852 г. издание «Московского сборника» – планируя минимум четыре выпуска. Сборник должен был стать некоторого рода заменой невозможному журналу⁸. Новые участники славянофильского кружка были полны энтузиазма, несмотря на прозорливый скептицизм своих более опытных друзей. И.В. Киреевский писал А.И. Кошелеву 10 июля 1851 г., отвечая на его приглашение принять участие в готовящемся сборнике: «В сборнике нашем, разумеется, я буду участвовать, если только он состоится. Но мне кажется, что ты рассчитал без хозяина, т.е. без цензора, который, как говорят, марает с плеча, и марает все, но особенно то, где есть мысль, и особенно мысль, которая могла бы быть полезна. Впрочем попробуй»⁹.

Цензура оказалась милосердна и сборник прошел ее – однако беда пришла со стороны давнего врага славянофильского кружка, московского генерал-губернатора Закревского. Усиленное секретное наблюдение не дало никаких сведений, могущих быть поставлены в вину славянофилам, однако вывод генерал-губернатора оказывался далеким от благоприятного для славянофилов и их издательских проектов. В донесении императору от 17 июня 1852 г. Закревский писал: «Хотя секретные наблюдения за членами сего общества не обнаружили до сего времени никакой преступной цели, но как принадлежащие к оному лица большею частию литераторы, то, по мнению моему, необходимо, кроме учрежденного за ними надзора, обратить особенное внимание цензуры на печатаемые ими сочинения»¹⁰. Логика донесения Закревского однородна с более ран-

⁵ «Синбирский сборник», 1845; «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единовверных и единоплеменных», 1845.

⁶ Стоит отметить, что практически все славянофильские издания были убыточны или во всяком случае с трудом окупались; таким образом издательская, в особенности журналистская деятельность (как сопряженная с большими расходами и повышенными рисками) имела для славянофилов в материальном отношении характер пожертвования.

⁷ И.С. Аксаков принимает на себя редакцию сборника, деньги же на издание дает А.И. Кошелев.

⁸ «Русская Беседа», издававшаяся в 1856 – 1860 гг., также будет выходить по четыре книжки в год. Подобная периодичность задана имеющимися литературными и публицистическими силами славянофильского кружка; попытки Кошелева перейти на ежемесячный выпуск журнала закономерно постигла неудача [*Пирожкова, Т.Ф.* А.И. Кошелев и его мемуары // Кошелев, А.И. Записки. М.: Наука, 2002. С. 393]

⁹ *Киреевский, И.В.* Полное собрание сочинений. В 2 т. Т. II / Под ред. М.О. Гершензона. – М.: Путь, 1911. С. 258.

¹⁰ *Цимбаев, Н.И.* Указ. соч. С. 132.

ним его же суждением о славянофилах, известному по письму Хомякова к А.Н. Попову (1849): «Рассказывают великолепное слово, сказанное гр[афом] Закревским одному из его приятелей. “Что, брат, видишь: из Московских Славян никого не нашли в этом заговоре [имеется в виду дело Петрашевского – А.Т.]. Что это значит по твоему?” – “Не знаю, в[аше] сиятельство”. – “Значит, все тут; да хитры, не поймашь следа”. Это *значит* просто гениальное слово!»¹¹ [Хомяков, 199].

Шум вокруг сборника быстро нарастал¹² и уже 27 апреля 1852 г. И.С. Аксаков писал к отцу: «О Сборнике продолжают утверждать, что он или запрещен, или его непременно запретят: все говорят, что в частности придаться ни к чему, но что-то в нем есть дерзкое, что-то такое, чего с 1848 г. в России не бывало, и проч. и проч. Статья Киреевского очень многих раздражает»¹³. В июле месяце министерство просвещения отдало особое предписание московской цензуре, чтобы последняя, немедленно по представлении ей второго тома «Московского Сборника», переслала его на предварительный просмотр в Петербург. Проинформированный о подобном распоряжении, И.С. Аксаков счел нужным «для выяснения благонамеренности издания»¹⁴, одновременно с подачей в цензуру 1-го августа второго тома, представить и его программу¹⁵. Второй том поступил в Петербург на двойную цензуру Министерства просвещения и III Отделения¹⁶ – и там его рассмотрение продолжалось до марта 1853. Еще 10 марта 1853 г. у И.С. Аксакова нет никаких известий о судьбе сборника; в этот день он пишет А.И. Кошелеву: «Обещание Цензурного Комитета дать на 1-й неделе поста положительный ответ не исполнено им и отсрочено до 2-й недели. Жду с нетерпением письма от Ник[олая Алексеевича] Елагина¹⁷. – Вижу, что Вы смеетесь и удивляетесь, как могу я сохранять какую-либо надежду, надежды собственно на позволение я не имею, но надежду на получение хоть какого-нибудь положительного ответа, хоть запрещения, – еще питаю!»¹⁸.

Запрещение, наложенное на «Сборник», однако, превзошло все возможные ожидания. По высочайше утвержденному всеподданнейшему докладу министра просвещения от 3 марта 1853 г. были решено следующее: «1) второй том “Московского Сборника” вполне запретить, 2) прекратить вообще издание

¹¹ Хомяков, А.С. Полное собрание сочинений. Т. VIII: Письма. – М.: Университетская типография, 1900. С. 199.

¹² 26 мая, в письме к Ю.Ф. Самарину, И.С. Аксаков сообщал: «первого тома Сборника разошлось 750 экземпляров в один месяц!» [Аксаков, И.С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Исследование украинских ярмарок. Ополчение. Путешествия за границу. Том третий и последний. Письма 1851 – 1860 годов. – М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1892. С. IV]. А.Н. Попов весной того же года пишет И.С. Аксакову: сборник имеет «успех изумительный» [Пирожкова, Т.Ф. Славянофильская журналистика... С. 112].

¹³ Аксаков, И.С. Письма... С. III.

¹⁴ Там же. С. V.

¹⁵ Там же. С. 14 – 15 (вторая пагинация).

¹⁶ Цимбаев, Н.И. Указ. соч. С. 132.

¹⁷ Елагин Н.А. – единокровный брат И. и П.В. Киреевских брат В.А. Елагина, один из активных участников славянофильского кружка 50-х – нач. 60-х годов.

¹⁸ Аксаков, И.С. Письма... С. V – VI.

“Сборника”, 3) редактора Ивана Аксакова лишить права быть редактором каких бы то ни было изданий, 4) Ивану Аксакову, Константину Аксакову, Хомякову, Ив. Киреевскому и князю Черкасскому, сделав наисторжайшее внушение за желание распространять нелепые и вредные понятия, приказать представлять свои рукописи впредь прямо в главное управление цензуры»¹⁹. Надлежит отметить, что министр просвещения кн. П.А. Ширинский-Шихматов предлагал во все лишить перечисленных лиц права печататься – и только по предложению начальника III Отделения графа А.Ф. Орлова была принята формулировка о цензурировании рукописей главным управлением; одновременно над ними, «как людьми открыто неблагонамеренными», был установлен явный полицейский надзор²⁰.

Совершенная несоразмерность наказания, постигшего славянофильское издание, усугублялось невозможностью понять, что именно вызвало подобное решение. А.С. Хомяков писал А.Ф. Гильфердингу: «А с нами вы уже знаете какая невзгода, какие подозрения, какие угрозы. Что им мерещится, Бог знает. Покуда кончилось ничем: взяли с меня, Аксаковых, князя Черкасского и Киреевского подписку, что мы никуда ничего представлять не будем, кроме как высшей цензуре. Последние два в большом негодовании, особенно Киреевский. Богомольный монархист, ему и не снилось, чтоб его в чем-нибудь оподозрили, и он считает себя сильно оскорбленным. Я, разумеется, смеюсь, потому что ожидал даже худшего и уверен, что худшее устранено только добрыми людьми. Разумеется также, что я не сержусь нимало: во-первых, это не в моем характере, а во-вторых, знаю, что теперь время революционное и след. всякое правительство, как и всякий народ должен иметь свою категорию *des suspects*²¹, в которую человек попадает сам не зная почему, иначе просто потому, что ничего не ищет и ничего не добивается. Потом, мысль и ее движение теперь подозрительны, какое бы ни было их направление»²². В 1855 г., во время посещения Москвы бароном Корфом, Хомяков беседовал с ним, стараясь узнать о причинах наложенной двумя годами ранее кары (в это время вопрос был весьма актуален для славянофилов, поскольку они добивались разрешения на издание журнала и нуждались в понимании того, в чем их, собственно, подозревают). Об отзыве Корфа Хомяков писал Кошелеву: «...Киреевскому скажи, что его статью барон Корф считает, кажется, Аксаковскую (по крайней мере я это предполагаю по его отзыву) и считает крайне *вредною* и опасною за то, что он, похвалив старую Русь, не прибавил, что новая все-таки много лучше, и это сказал не шутя»²³. И.С. Аксаков двадцать пять лет спустя вспоминал: «...Этот том

¹⁹ Лемке, М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. – СПб.: Книгоиздательство М.В. Пирожкова, 1904. С. 286.

²⁰ Там же.

²¹ *des suspects* – фр., «подозреваемых»

²² Хомяков, А.С. Указ. соч. С. 305 – 306.

²³ Там же. С. 146. Письмо особенно интересно тем, что демонстрирует, насколько славянофилы были обеспокоены цензурной карой, справедливо видя в ней проявление их репутации в глазах правительства – письмо Хомякова напрямую отсылает к его же письму В.А. Елагину трехлетней давности («Корф говорит, что статью И.В. [Киреевского] он доволен, но [К.С.]

в рукописи весь, со всеми статьями, не был допущен к печати, – “не по тому что было в нем сказано, а по тому, что умолчено” – объяснил издателю покойный начальник Штаба III Отделения, Л.В. Дуппельт»²⁴.

Хотя полного запрета на печатание названных во всеподданнейшем докладе лиц наложено не было, фактически на славянофилов был наложен абсолютный цензурный запрет. А.С. Хомяков 14 мая 1855 г. (то есть уже при новом царствовании) писал министру просвещения А.С. Норову: «Вашему высокопревосходительству известно, что третьего года с нескольких сотрудников “Московского Сборника”, и в том числе с меня, *взята по Высочайшему повелению* подписка в том, что мы не будем впредь представлять свои сочинения в местные цензуры, но будем относиться прямо в высший цензурный комитет. Последствия этой подписки весьма для нас ощутительны. Маленький лексикон Санскрито-славянских слов и корней, мною составленный, подвергся почти годовому пересмотру, а коротенькая статейка Константина Сергеевича Аксакова о Русских глаголах прошла через полтора-годовое мытарство; то есть мы должны считать себя почти удаленными от всякой литературной деятельности»²⁵.

Цензурный запрет фактически оказался распространенным не только перечисленных в докладе лиц, но и на всех входящих в славянофильский кружок. Когда летом 1853 г. С.Т. Аксаков обратился министерство просвещения с прошением дозволить ему издание «Охотничьего сборника», министерство не сочло возможным решить вопрос самостоятельно и обратилось с запросом в III Отделение. 12 сентября того же года последовал ответ Л.В. Дубельта: «...Считаю долгом сообщить вашему превосходительству, что в делах сего отделения [т.е. III-го – А.Т.] имеются о литературных занятиях г. Аксакова следующие сведения:

1) В 1-м томе “Московского Вестника” за 1830 г. помещена была статья его сочинения: “Рекомендация министра”. Статья эта возбудила тогда своим неприличием неудовольствие Государя Императора, и цензор, одобливший оную, был по Высочайшему повелению подвергнут двухнедельному аресту на гауптвахте.

2) Быв в 1832 г. цензором, г. Аксаков разрешил печатание изданной в Москве брошюры “Двенадцать спящих будочников”, Государь Император, как известно Министерству Народного Просвещения из отношения г[енерал]-ад[ъютанта] гр. Бенкендорфа от 16 февраля 1832 г. № 923, признав брошюру сию, по ее содержанию, крайне неприличною и неблагонамеренною, изволил Высочайше повелеть: уволить Аксакова от должности цензора.

Аксакова статья вредна, а чем именно? Тем, что он не объяснил, почему общинный быт уже теперь не годится, т.е. виноват не тем что сказал, а тем, чего не сказал. Хороши эти судьи!» [Там же. С. 436]), явно предполагая, что те строчки не забылись Киреевским (следовательно, многократно и со всех сторон обсуждались участниками кружка).

²⁴ Аксаков, И.С. Сочинения. [В 7 т. Т. I:] Славянский вопрос. 1860 – 1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи в Славянском комитете в 1876, 1877 и 1878. – М.: Типография М.Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и Ко.), 1886. С. 228.

²⁵ Русский Архив. 1894. Кн. 1. С. 223.

3) В рукописи, предназначенной для 2-го тома издававшегося под редакцией сына его Ивана Аксакова “Московского Сборника” помещена была статья Сергея Аксакова, которая по распоряжению Главного Управления цензуры разрешена была к напечатанию с некоторыми исключениями.

Соображая все это, равно и другие сведения, имеющиеся о Сергее Аксакове в III-м отделении, нельзя предполагать, чтобы он, при издании помянутого сборника, руководствовался должною благонамеренностью и потому едва ли можно ему позволить издание какого бы то ни было журнала»²⁶.

Тем самым с конца 1852 года на славянофильские издания был наложен фактический запрет – некоторые публикации лиц, не перечисленных в докладе 3 марта, допускались печататься в разнородных изданиях, однако славянофильское направление не могло получить в свое распоряжение какой-либо относительно регулярный печатный орган. Логика решения была достаточно прозрачна – не допустить возможности общественного влияния славянофилов как целостного направления, одновременно наложив глухой запрет на основных представителей славянофильства.

²⁶ Русский Архив 1894. Кн. 1. С. 222